

Фридрих Антонов

Происхождение слов

Шесть основных законов
древнейшего
словообразования

Фридрих Антонов
Происхождение слов

«Издательские решения»

Антонов Ф.

Происхождение слов / Ф. Антонов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-500394-2

В книге дано в корне новое направление в языкознании. Изложено шесть законов древнего словообразования. Вот два первых из них в сокращённом изложении. Первый: древние имена людей и животных давались исключительно по половым признакам. Второй: все первичные названия предметов окружающего мира идут от названия мужских и женских половых органов, акта их совокупления, а также свойств и явлений, связанных со всем этим, таких как: твёрдость, мягкость, текучесть, пульсация и т. д. Читайте книгу.

ISBN 978-5-00-500394-2

© Антонов Ф.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Предисловие	7
Законы древнейшего словообразования	10
Глава 1. Небольшой экскурс в древность	12
Глава 2. Побудительные мотивы мыслительной деятельности и языкового общения человека и «Первый закон древнейшего словообразования»	14
2.1. Побудительные мотивы мыслительной деятельности и языкового общения человека	14
2.2. Первый закон древнейшего словообразования	17
Глава 3. Второй закон древнейшего словообразования	19
Глава 4. Третий закон древнейшего словообразования	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Происхождение слов

Фридрих Антонов

© Фридрих Антонов, 2019

ISBN 978-5-0050-0394-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

В этой книге изложен необычный материал. Это принципиально новое направление в языкознании. Здесь открыты и описаны древнейшие законы словообразования. Эти законы относятся ко времени образования и развития членораздельной человеческой речи. В этой статье я не буду излагать основ и тонкостей данной работы, они хорошо изложены в основной части книги, от Предисловия и до Заключения. Написание этой статьи вызвано только одним – просьбой внимательно отнестись к излагаемому здесь материалу.

Речь идёт о древнейшем словообразовании. А древнейшее словообразование связано с первобытным познанием людей, как самих себя, так и окружающей их среды. Первые наименования людей, животных и всего прочего были исключительно по половым признакам. Кроме этого, наблюдение человека за окружающей средой, привело его к мысли, что в природе всё, что он видит: это либо палочка, либо колечко, либо бугорок, либо ямочка, либо сучок, либо дупло, либо горы, либо ущелья, либо твёрдость, либо мягкость, либо скала, либо вода. То есть всё, что окружает человека, аналогично, либо мужскому естеству, либо женскому, как по форме, так и по физическим свойствам.

И в древних смыслонесущих корнях законсервированы следы, связанные с наименованием половых органов, свойств и действий, связанных с ними. И это во всех языках, всех народов земли, без каких бы то ни было исключений. Это общечеловеческая данность.

Анализ современных языков, при разложении их на древние составляющие, выявляет среди них слова, многие из которых ныне бытуют в сфере вульгаризмов. Хочу предупредить сразу, что я не занимаюсь, ни пропагандой, ни популяризацией вульгаризмов. Я занимаюсь анализом языков. Но вульгаризмы часто выплывают, как данность, скрытая в древних корнях. Простой пример. Возьмём вполне литературное слово из английского языка: «Сэр». И разложим его на древние составляющие: «Се Ер». (Что значит – «Это Ер»). А «ер», практически на всех языках древности, среди которых и древнегерманский (а англ – это древнегерманское племя) – мужской половой орган.

Или, например, простое русское слово «мужик». Если отбросить все мелочи и частности, и просто сказать, что оно означает, то это будет «межик» (то есть, размежитель женской плоти). Меч – это тоже «меж». Нож, по-немецки, мессер – это тоже «межер». Всё это инструменты «размежевания». То, что здесь показано в качестве вводных примеров, это лишь маленькая толика, того, что будет изложено в книге. И это не какая-то случайность. Это данность! Которую нельзя, ни обойти, ни объехать. Это содержится во всех современных языках. И тут только два пути: либо по-страусиному, спрятать голову в песок и думать, что ты весь спрятался, либо исследовать всё это в строго научных рамках, с целью изучения языка. Я внимательно изучил все правила публикации книг, в текстах которых содержатся вульгаризмы. И утверждаю, что в этой книге нет слов, которые запрещены к публикации.

Слова и названия, которые могут иметь форму запрещённых вульгаризмов, даются здесь исключительно в описательном виде, типа: «мужской половой орган», или «женское естество», или «акт их совокупления», словом всё описывается во вполне литературной форме. Повторяю, я не занимаюсь, ни пропагандой, ни популяризацией вульгаризмов. Цель этой работы – установить истинное происхождение языков. В связи с этим, у меня большая просьба к тем, кто будет читать эту книгу на предмет её публикации: «Прочтите её внимательно и желательно до конца!» Мне кажется, что эта книга должна представлять большой интерес не только с научной точки зрения. Она интересна ещё и в общепознавательном плане.

Ф. Антонов

Предисловие

Данная работа в корне отличается от всего того, что когда-либо было написано по лингвистике. Принципиальное отличие её заключается в том, что лингвисты всего мира пытаются раскрыть смысл современных слов, выделяя и анализируя их современные смысловые корни, находя им аналоги в других языках и таким образом устанавливая их возможное происхождение. На основании этого анализа, языки классифицируются по различным семьям, группам и классам. Иными словами, изучая современные языки, фактически устанавливаются горизонтальные связи между различными языками. Эти горизонтальные связи, дают как правило, возможность заглянуть и вглубь языков, но на очень ограниченную глубину. Эту глубину называют «древностью», но на самом деле древностью она не является. Это псевдодревность! На самом деле это колупание в поверхностном слое современного языкового пространства. Оно даёт возможность заглянуть в глубь, максимум на 100 – 200 лет. А я бы хотел заглянуть туда на всю глубину, то есть на десятки тысячелетий.

В этой книге сделана попытка заглянуть в глубь древнего праязыка аж до уровня образования и развития членораздельной человеческой речи, установить древние корни слов и их смысловые значения. Установить те самые корни, из которых образовались и развились современные языки. Иными словами, здесь сделана попытка из глубины древности подняться в современность.

Современные лингвисты движутся как бы с поверхности современного языкового поля. Они пытаются среди множества языков нащупать общие корни и заглянуть во внутрь, в древность. В этой книге сделана попытка взять за основу некогда единый древний языковой пласт и от него подняться на современную языковую поверхность. И тем самым подтвердить единство происхождения языков, какими бы разными они не казались в настоящее время.

Лингвисты всех стран, назовём это направление исследований – традиционным, неизбежно приходят к необходимости классификации языков, разделению их на языковые группы: индо-европейская, индо-иранская и так далее. Здесь ничего не имеется против разделения языков на группы, однако для данной работы такое разделение не имеет ни какого значения. Здесь одинаково доказательными являются смысловые корни древнего праязыка, неожиданно проявляющиеся, и в языках народов Азии, и в языках коренных народов Америки или Африки, равно как и в языках народов Европы.

Вот кратко то главное, что хотелось сказать перед началом изложения материала. И ещё несколько слов о том, чтобы это направление не путали с некогда уже существовавшим направлением исследования, в частности в советском языкознании, возглавлявшемся академиком Н. Я. Марром. Речь о «Яфетической теории», в новом учении о языке Н. Я. Марра.

Собственно говоря, грех наверное полностью отбрасывать и отрицать то, что в своё время было выдвинуто и утверждалось академиком Марром. Ещё более непопулярно начинать и продолжать направление, которое большинством современных лингвистов признано «ненаучным». Ещё более рискованно начинать работать по направлению, которое осуждено как «лженаучное» и связанное с периодом культа личности в Советском Союзе.

И всё-таки, если отбросить политическую трескотню вокруг работы академика Марра и обратиться к чисто научной стороне вопроса, то можно заметить, что академик Марр был не так уж и неправ. Правда работа академика Марра обладала очень большой узостью и откровенной бездоказательностью. Поэтому она и была разгромлена правоверными лингвистами.

Интуитивно чувствуя какую-то взаимосвязь между различными языками и распознав в великом множестве некоторые опорные точки, Н. Я. Марр назначил (и надо сказать совершенно бездоказательно) несколько корневых образований и объявил (также бездоказательно), что от них, дескать, и происходят все языки. Откуда они взялись, и почему именно они, и как

они связаны между собой, и со всем остальным языковым множеством? Этого он не мог, ни объяснить, ни доказать. Собственно поэтому его теория и была обречена на неудачу.

Собственно предложив новую теорию в языкознании, академик Марр сам оставался на позициях традиционного языкознания. Интуитивно угадав несколько общих корней в различных языках, он пытался объяснить суть вопроса с поверхности современного ему языкового поля, пытаясь заглянуть в его глубину, то есть как традиционный и правоверный языковед. А язык, как и океан, нужно изучать из глубины.

Чтобы закончить вступительное слово, следует сказать, что корневых образований с которыми связано происхождение языков на нашей земле – гораздо больше того количества, которое было названо академиком Марром. В настоящее время назвать окончательное количество изначальных корневых образований, от которых пошли все языки мира невозможно (да откровенно говоря и не нужно). И задача здесь состоит совершенно в другом. Окончательное количество изначальных корневых слов возможно будет установлено в процессе разработки этой теории, а возможно и не будет установлено никогда. В настоящее время лишь можно сказать (и то, с возможной степенью приближения), что количество изначальных корней приближается к 80.

В этой связи интересно назвать несколько иные сведения, из совершенно иной области знания. Я прошу обратить внимание на результаты исследований современных антропологов. Я говорю об исследовании всех возможных форм человеческих черепов на земле. От этого количества собственно и зависит количество народов и рас, живущих на нашей земле. А следовательно мы можем, хотя бы ориентировочно, представить себе и количество языковых групп, участвовавших в процессе словотворчества.

Так вот, это количество форм черепов, тоже приближённо равняется 80. Только не нужно эти цифры принимать за какие-то директивные, обязательные или ещё, спаси бог, что-то доказывающие. Просто это говорит о том, что количество людских сообществ на земле, изначально принимавших участие в формировании членораздельной человеческой речи, гораздо больше. А соответственно и изначальных смысловесущих корней, от которых пошли развиваться все языки мира, тоже значительно больше. Во всяком случае не 2 и не 3, как это предполагал академик Марр.

Все изначальные смысловые корни в данной работе (в отличие от произвольно назначенных Марром) имеют вполне конкретное происхождение и вполне определённый смысл. Они никем не назначались прежде, не назначаются и теперь. Они образовались в своё время, в условиях формирования членораздельной человеческой речи, и в своём появлении опирались на вполне конкретные, и объективные законы развития общества.

Эти законы открыты и описаны здесь, в этой работе и публикуются впервые. Все необходимые пояснения будут даваться в процессе изложения материала. Несмотря на большое количество изначальных групп, принимавших участие в формировании членораздельной речи, объективные закономерности, на которые они опирались, были одинаковыми и незыблемыми для всех без исключения. Как одинаковы и незыблемы законы влечения полов, продления рода и все остальные природно – объективные закономерности жизни и взаимоотношения людей.

И поэтому, несмотря на изолированность всех этих групп, смысловое содержание всех изначальных корней были одинаковы и незыблемы. Ты либо мужчина, либо ты женщина и ваши половые признаки вполне конкретны, и недвусмысленны. А как уже это всё будет названо, в каждой конкретной и даже изолированной группе – «ур», «кур» или как-нибудь ещё в другом роде, принципиально не имеет никакого значения. Смысл, заложенный в них, будет один и тот же. И это главное. Здесь все эти «ур» и «кур» взяты совершенно произвольно, лишь для демонстрации сути излагаемой теории.

Ниже перечислим четыре закона древнейшего словообразования, о которых упоминалось выше по тексту. Законы эти открыты в процессе данной работы и публикуются впервые.

Они позволяют принципиально по-новому взглянуть на вопросы древнейшего словообразования. В конце книги, в её Заключении будут даны ещё два закона словообразования Пятый и Шестой. Но они будут даны уже как заключительные, как выводы к данной книге. И тут я должен пояснить последовательность изложения материала в этой книге.

Все необходимые пояснения будут излагаться вплоть до седьмой главы. Начиная с седьмой главы, будут даны конкретные примеры, подтверждающие правильность этих законов. Последняя, двадцать первая глава, посвящена Заключению. В ней будут подведены итоги данной работы. Пятый закон там даётся в виде Первого вывода, а Шестой закон изложен в Пятом выводе.

Законы древнейшего словообразования

Первый закон древнейшего словообразования:

«Первоначальное наименование мужчин и женщин, а также животных, в древности, было исключительно по половым признакам».

Второй закон древнейшего словообразования:

«Все древние названия предметов окружающего мира, на всех языках земли, идут от названия мужских и женских половых органов, акта их совокупления, а также от свойств и явлений связанных со всем этим, таких как: твёрдость, мягкость, жёсткость, пластичность, текучесть, скольжение, пульсация, быстро, медленно и так далее».

Третий закон древнейшего словообразования:

«Мужские и женские половые органы, а также акт их совокупления – в древности, изначально, назывались одинаково».

Примечание к Третьему закону словообразования:

«В некоторых языковых группах происходили незначительные отклонения в наименованиях мужского и женского естества. Следы этих отклонений можно проследить на основании анализа современных слов. Например, в русском языке: мужчина – „он“, а женщина уже не „он“, а – „она“. В английском: не „he и he“, А „he и she“. В испанском: не „el и el“. А „el и ella“. А вот в казахском, хакасском, тувинском и многих других языках: „он“ и „она“ называются одинаково – „ол“. Но эти отклонения никоим образом не влияют на формулировку и применение Третьего закона древнейшего словообразования».

Четвёртый закон усложнённого словообразования:

«Дальнейшее усложнённое словообразование в древности, происходило в основном с помощью пояснительных и указательных дополнений и приставок к древним смысловым корням. А также путём создания двух- и трёх-корневых слов, где один корень дополнял или пояснял другой».

Первое примечание к Четвёртому закону усложнённого словообразования:

Древние приставки подтверждали, дополняли или уточняли смысловые значения древних корней. Иногда, правда, всё было намного проще: приставленные к древним корням приставки, просто создавали новое слово, которым и назывался новый предмет, или что-либо иное, например какое-либо ранее не обозначенное действие. Эти приставки не имеют ничего общего с приставками современных слов. Современные приставки ставятся в начале слов (поэтому они и «приставки»). А древние приставки приставлялись, как перед корнем, так и после него, и количество этих приставок могло быть гораздо больше двух, (их вообще могло быть столько, сколько нужно).

Второе примечание к Четвёртому закону усложнённого словообразования:

Слова, которые обозначали что-то неясное, непознанное или неконкретное, могли вообще не иметь корневых составляющих. Они в сплошь могли состоять из набора указательных или пояснительных приставок, как например, в словах подобных слову «естество»: «Есте Се Тово» (есть это «То»). То есть, слово «естество» означает, что в нём «есть некое – То». Среди частиц, составляющих подобные слова, может вообще не быть частиц, которые могли бы

представлять из себя имена существительные. В составе слова «естество» ещё можно допустить, что в качестве имени существительного здесь выступает – некое «То». А вот в слове «осязание»: «Осе Зане Е» (это потому что есть), с именем существительным уже будет похуже. Нет, можно конечно сделать смысловой упор на этом самом – «осе», и вроде как сделать его именем существительным. Но можно ведь и придать этому самому «осе» некую неконкретность, или неопределённость, и имя существительное растворится, как призрак.

Третье примечание к Четвёртому закону усложнённого словообразования:

Много-корневые и много-приставочные слова, как правило, были результатом объединения разных языков и народов. Когда один из корней начинал терять свой смысл. Это был, как правило, смысловой корень слова, которое принадлежало побеждаемому в языковой борьбе языку. Для пояснения его смысла, в слове появлялся второй корень (или необходимая пояснительная приставка). Это были: корень или приставка, которые относились к языку, побеждавшему в этой языковой борьбе. Таким образом и создавались все эти много-корневые слова.

Два заключительных закона древнейшего словообразования: Пятый и Шестой – смотрите в 21-й Главе. Пятый закон даётся там в виде Первого вывода, а Шестой изложен в Пятом.

Глава 1. Небольшой экскурс в древность

Членораздельная речь человека начала формироваться в глубокой древности. Факторов, повлиявших на становление человеческой речи, много. Но первый из них – наверное тот, что человек, скорее всего, всегда был существом мыслящим. То есть, он всегда был человеком, а не обезьяной, вне зависимости от того, как он при этом выглядел. Содержание его черепной коробки с самого начала, с момента своего возникновения, напрочь отделяло его от всего прочего животного мира. Он изначально, от природы, мог думать и анализировать окружающий его мир. И именно это явилось залогом того, что он стал развиваться интеллектуально.

На пустом месте ничего не вырастает. Человекообразные обезьяны миллионы лет назад были человекообразными. И что? Они и миллионы лет тому назад не проявляли никакого желания общаться с себе подобными, не проявляют и сейчас. У них никогда не появлялось желания членораздельно и осмысленно общаться с кем бы то ни было. Рёв, рык, мычание – да, но осмысленное слово – никогда, потому что животное не может логически мыслить.

Это подтверждается всем многовековым существованием животного мира, многовековым существованием класса человекообразных обезьян. Будучи во многом подобными человеку, они никогда не проявляли желания осмысленно объясняться с помощью знаков или членораздельной речи.

И даже обучение их общению с помощью знаков (язык глухонемых), не даёт никаких результатов. Обученные, они по требованию человека делают это на всевозможных исследовательских сеансах, в лабораториях или в популярных шоу, но никогда не делают попыток какого-либо общения сами, между собой. Они никогда не делали никаких попыток внедрить этот цивилизационный инструмент в свою обезьянью практику.

Да будь они существами разумными! И получили в свои руки такой инструмент! Да они бы ухватились за него, использовали, развили, усовершенствовали и пошли бы дальше. Будь у них в том, хоть какая-нибудь потребность. Но у них нет этой потребности! Хотя здесь, эти животные уже явно подведены к разумному обмену. Но обмена этого у них – нет!

Нелепые попытки некоторых учёных объяснить выделение человека из среды приматов, какими-то особыми условиями жизни в древности, не выдерживают ни какой критики. Ни радиация, ни питание тут – ни при чём. Осмысленная человеческая речь, членораздельная или в виде отдельных, но осмысленных звуков – это всего лишь результат – внешнее, так сказать, проявление внутренней мыслительной работы.

А если мыслительная работа есть, то это уже человек. Принципиальная ошибка историков языкознания, что первобытное существо стало думать и мыслить после того, как оно взяло в руки палку, и стало использовать её как орудие – это глубокое заблуждение! На самом деле, говорить мог начать только человек! При этом, будучи уже человеком! Зверь произносящий звуки на основе инстинктивных, а не мыслительных побуждений, не может осознанно общаться с помощью этих звуков. И эти звуки не могут никогда развиваться в членораздельную речь. Этого не было в древности, нет сейчас и никогда не будет в будущем.

Человек изначально был существом мыслящим. Он был мыслящим до появления членораздельной речи. До появления речи, он уже имел какие-то навыки совершенствования мыслительного аппарата. И вполне вероятно, что до возникновения звуковой речи, человек уже имел какие-то иные средства общения: знаковые, телепатические или какие-то ещё, (которые со временем утратил). Но он имел их и был на момент возникновения звуковой речи уже человеком.

Во всяком случае, утверждения современных учёных, что человек впервые стал человеком, когда обезьяна взяла палку и сбила плод – нелепо по своей сути. Современные обезьяны не только берут в руки палки, но и составляют их из нескольких частей, изготавливая таким

образом орудия производства. Они с помощью этих орудий добывают плоды, но людьми после этого не становятся. И ни каких попыток изъясняться между собой, никаких попыток передать свой опыт молодому поколению или другим своим собратьям, не делают.

Ещё более нелепо утверждение о том, что после того как обезьяна взяла палку и сбила плод, у неё начал развиваться речевой аппарат. Дескать необходимость обмена мнениями, в процессе изготовления орудий, и привело к звуковому общению. Следует сразу сказать, что «трудовые процессы» в возникновении звуковой речи, вообще занимают самое последнее место. А правильнее сказать, что они вообще никакого места в этом процессе не занимают. В вопросе дальнейшего совершенствования – может быть, но в вопросе возникновения – нет!

Не нужно путать два совершенно разных процесса, которые до сих пор даже не разделяют. А их нужно разделять. Это возникновение членораздельной речи и дальнейшее её развитие и совершенствование. Это совершенно два разных процесса, у них совершенно разные побудительные мотивы. Труд, во всяком случае, в вопросе возникновения звуковой речи, участия не принимал.

Прежде чем взять в руки палку и сбить плод обезьяна должна была осмыслить этот процесс и мысленно промоделировать его. Уж как она называла бы, при этом, про себя эти предметы и действия: «у», «гу» (или «ху») неизвестно. Да сейчас это большого значения и не имеет. Но она изначально мысленно должна была взять это самое «у» и представить возможность сбить вот то, висящее на дереве, «гу», а уже потом проделать всё это физически.

Так что, когда эта обезьяна (или то, что мы до сих пор называем обезьяной) взяла в руки палку, господа учёные, то она уже была человеком и человеком мыслящим, в прямом смысле этого слова, и без всяких оговорок, и допущений. Если это вообще была обезьяна.

Наверное всё-таки человек составлял какой-то особый класс в животном мире. Класс, который изначально обладал мыслительными способностями, а ещё обладал каким-то (необязательно звуковым) аппаратом общения, например, знаковым. Коим прочие животные никогда не обладали и не обладают.

В дальнейшем, мы докажем, что на момент возникновения звуковой, членораздельной человеческой речи, человек уже имел знаковый способ общения с себе подобными. Это лишний раз доказывает, что на момент овладения звуковой речью, человек уже был мыслящим существом, а не обезьяной. Так что, господа учёные! Забудьте про обезьяну, которая взяла в руки палку!

Глава 2. Побудительные мотивы мыслительной деятельности и языкового общения человека и «Первый закон древнейшего словообразования»

2.1. Побудительные мотивы мыслительной деятельности и языкового общения человека

Каковы побудительные мотивы возникновения мыслительной деятельности человека? Это всё то, что сопровождает его от рождения и до смерти: необходимость ходить, искать пищу, есть, пить, спать, опрavlять свои естественные надобности, размножаться и противостоять опасности. Современными психологами доказано, что человек, совершая даже самые простые движения, например движение по прямой линии, постоянно, почти ежесекундно, должен посылать в своё оперативное сознание директивные указания из мозгового центра, типа: «Я иду!», «Я иду прямо!», «Я должен идти прямо!» Перед поворотом следует сигнал: «Я должен повернуть налево!» (или направо!), «Я поворачиваю!» И так во всём, и во всех без исключения действиях и проявлениях. И здесь нет никаких исключений, если организм работает нормально.

Животному не нужно этого делать. Животное ходит на четырёх ногах, оно устойчиво, ему не надо балансировать. Ему не надо ежесекундно контролировать своё состояние и положение в пространстве. Именно прямоходячесть человека заставляет его постоянно, ежесекундно контролировать себя в трёхмерном пространстве и времени. И я здесь затронул только одну простейшую способность человека прямоходящего – идти или стоять.

Но человеку прямоходящему приходится по необходимости ещё выполнять всевозможные действия и манипуляции в трёхмерном пространстве. А это помимо тех постоянных: «Я иду!», «Я поворачиваю!» обрушивает на человека такую массу мыслительной работы, о которой мы даже не подозреваем. И мы об этом действительно не подозреваем, потому что эта работа нашим мозгом выполняется автоматически, иначе, (если бы мы это осознавали), мы бы просто сошли с ума.

Ведь и эти примитивные: «Я иду!», «Я должен идти прямо!» мы ведь тоже не осознаём. Это всё узнали и изучили учёные психологи в лабораториях, проводя специальные опыты по выяснению действительного состояния людей, при выполнении тех или иных операций. И эта мыслительная работа сопровождает человека всю его сознательную жизнь. Всё это делает человека прямоходящего – человеком мыслящим, мозговая деятельность которого не прекращается ни на секунду весь период его бодрствования. А в период сна, начинается другой вид мозговой деятельности, которая готовит человеческий мозг к новому периоду бодрствования.

Животные тоже думают и мыслят. Ни одно животное не начнёт например опрavlяться в том положении, в котором оно ходило или сидело. Для этого специально выбирается место, принимается определённая поза, следуют сигналы включающие необходимые физиологические центры. Всё это делают животные, всё это тем более свойственно человеку. Это говорит о том, что мыслительная деятельность свойственна всему животному миру, но если у животных она находилась и находится на одном уровне, то у человека она поднята на другой, более высокий уровень.

Вначале наверное всё опиралось на инстинкты. Основных инстинктов не так уж и много: инстинкт самосохранения, продления рода, питания, опрavlения естественных надобностей, да вот пожалуй и всё. Сюда надо было бы отнести ещё и инстинкт получения удовольствия,

но его некоторые учёные не относят к разряду инстинктов. Поэтому назовём это просто влечением человека к получению удовольствия. Причём получение удовольствия можно считать, как бы частным случаем удовлетворённости делами и жизнью буквально во всех проявлениях.

И не нужно понимать это упрощённо, как получение удовольствий только в сексуальных отношениях, хотя именно они являются наивысшей целью человеческого естества. Стремление к получению удовлетворённости, как свойство, присуще только человеку. Животные напрочь лишены способности достигать этой удовлетворённости. Она к ним приходит автоматически при удовлетворении простых жизненных потребностей. Поев, например, они спокойно засыпают совершенно не заботясь о том, что будет завтра, даже если потенциальная пища, при этом, будет ходить у них под носом.

А вот у человека удовлетворение одних жизненных потребностей всегда влечёт к достижению других, более высоких, как бы мы теперь сказали, – духовных потребностей. И не надо под этим сразу понимать наши теперешние духовные запросы и потребности. Ни музыки, ни поэзии тогда ещё не было и обычная мыслительная работа (например, получить избыточный продукт на завтра, если сегодня ты уже сыт) – это тоже интеллектуальная работа, позволявшая человеку того времени развиваться и совершенствоваться.

И эта деятельность свойственна только человеку. Ко всему этому необходимо ещё добавить получение удовлетворённости от всего того, что он задумывал, планировал и делал. Вот он задумал, например, как он завтра построит охоту. А завтра всё получится именно так, как он задумал. Какое удовлетворение получает при этом человек. Это побуждает его к другим подобным действиям.

Я отнюдь не случайно отнёс сексуальные отношения людей древнего общества в отдельный вид деятельности. Перед человечеством стояла большая и сложная задача превращения пещерного человека в существо социальное. Для этого нужен был социум. Первобытный, пещерный, но всё-таки социум. Человек интуитивно понимал, что чем больше людей будет жить вместе, тем им легче будет выжить. Это заставляло людей интенсивно размножаться. Размножение было сверхзадачей древнего общества (тем более, при высокой смертности).

Следует отметить древнейшее влечение человека к общению с себе подобными. Животные тоже сбиваются в стада или стаи, однако лишь у человека социум занял в сознании и жизни такое высокое место. Величайшее место в становлении человека сыграло общение людей между собой, особенно общение матери с ребёнком. Но всё это опять-таки свойственно и животным. Безусловно у человека это общение носит иной, более высокий уровень. Но всегда можно сказать: «А что, собственно, тут особенного? Есть тут, но ведь есть и там!» А что до особого уровня, так ведь и уровень менялся с течением времени. И менялся от почти звериного, до уровня современного человека.

И всё-таки есть несколько свойств, которые всегда отличали людей от животных. Два из них мы уже назвали – это способность мыслить и стремление к удовлетворённости и равновесию в жизни. При чём это стремление никогда не бывает полностью удовлетворённым. Когда удовлетворяется одно требование, вызванное одной потребностью, тут же возникает другое и влечёт ещё сильнее, и этот процесс бесконечен.

А плюс ко всему, ещё и постоянное культивирование сексуальных отношений. И не по календарным дням или физиологическим циклам, а постоянно, с целью получения высшего наслаждения. Это заставляло людей постоянно совершенствовать условия своего существования. Ставить себе цель и осуществлять её. И не надо сразу думать о вопросах атомной энергетики или о покорении космоса. Первобытное общество имело свои, соразмерные цели. Но нужно было ставить их и осуществлять. Это всё и выделяло первобытного человека из круга других животных.

А то, что инстинкт получения наслаждения самый сильный в живой природе, доказано современной наукой. Этот инстинкт сильнее инстинкта продления рода, сильнее голода, силь-

нее наконец инстинкта самосохранения. Был поставлен эксперимент: крыс обучили нажимать кнопки. По нажатию первой, они получали пищу. По нажатию второй – воду. А по нажатию третьей – слабый электрический сигнал раздражал сексуальные центры и крысы испытывали оргазм. Крысам предоставили право самостоятельного выбора. Так вот: все крысы умерли от истощения и обезвоживания. Они до самой смерти нажимали только одну кнопку, которая позволяла им получить удовольствие.

Из всего животного мира, только человек пошёл по пути культивирования сексуальных отношений и наслаждения. И только это, при наличии разума и способности к мышлению, изначально выделило его из всего остального животного мира. В действительности это сложный и многообразный процесс, включавший в себя, и процесс добывания пищи, и изготовления одежды, и строительства, и обустройства жилища, и предвосхищение сексуальных отношений, а главное – психологическое обдумывание всей своей жизни и деятельности, и физическое воплощение всего задуманного. Вот это всё в совокупности и выделило род человеческий из остального животного мира.

2.2. Первый закон древнейшего словообразования

Формулирование Первого закона древнейшего словообразования: *«Первоначальное наименование мужчин и женщин, а также животных, в древности, было исключительно по половым признакам».*

Прежде чем воспринять и осознать окружающий мир, человек должен был осознать самого себя. Кто он? Мужчина или женщина? И тут на первый план выходят половые признаки. Древний человек хорошо понимал единство назначения половых органов обоих полов и вместе с тем, осознавал различие их форм и строения. Поэтому человек сначала должен был осознать себя, как-то назвать свои члены – руки, ноги, глаза, уши и конечно же наиболее ответственные, родовые органы. А о том, что человек считает свои родовые органы главными, так это было всегда – это было тогда, это есть и сейчас.

Первые названия получили родовые органы, мужские и женские, и названия эти были одинаковыми или почти одинаковыми (в том числе и акт их совокупления). Было не до разнообразия. Разнообразие придёт потом, когда начнёт совершенствоваться речь. Но вместе с тем, иногда замечаются небольшие отличия в названиях мужского и женского половых органов. Человек явно понимал их единство, но вместе с тем осознавал и их различие, по форме, физическим свойствам, и по функциональности вообще.

Далее человек заметил, что всё, что его окружает в природе имеет всего две разновидности форм. Это либо палочка, либо дырочка, либо холмик, либо ямочка. Это либо горы (хребты), либо ущелья (распадки). Это либо камень (скала), либо вода, либо сучок, либо дупло. Иными словами, что не возьми, в природе всё по своей форме может быть сопоставлено, либо с мужским, либо с женским естеством. И точно также с физическими свойствами и ощущениями всего окружающего. Это либо твёрдость, либо мягкость, либо крепость, либо слабость, либо хрупкость, либо текучесть. То есть, опять-таки, всё это сопоставляется с признаками свойственными, либо мужскому началу, либо женскому, либо акту их совокупления (трение, скольжение, медленно, быстро...).

Всё человеческое сознание, весь его жизненный опыт, с самого начала, формировался в окружающей природе, каждый элемент которой имел определённое подобие, либо с женским, либо с мужским началом. И с возникновением первых названий предметов окружающей среды, в этих названиях отображались признаки схожие с половыми признаками людей или с их свойствами.

Множество человеческих сообществ, принимавших участие в формировании человеческой речи, не имеет в данном случае никакого значения. Звуковые обозначения были естественно разными, но смысловое содержание их было только одно – половые признаки мужчины и женщины, их физические свойства и всё, что связано с ними. И теперь, в современных языках, если в них сохранились древние смысловые корни, в них должны быть заключены названия половых органов мужчины и женщины, либо должны звучать названия свойств, соответствующих половым признакам. В разных языках эти названия могут быть разными, но смысл, который они заключают в себе – один. И чем древнее слова, тем явственнее они должны содержать в себе именно половые признаки.

И ещё одно, очень важное замечание. С течением времени, по мере изменения жизни, развития, и совершенствования языков, смысл древних слов постепенно претерпевал изменения. Менялось осмысление жизни, менялась нравственность, менялось и смысловое наполнение слов. Если бы этого не происходило, все древние слова сегодня оказались бы в сфере вульгаризмов. Примерная схема изменения смыслового наполнения слов такова: в начале наименование людей было по половым органам (или по каким-то их признакам), потом за словами означавшими ранее половые органы, закрепились названия мужчины или женщины,

далее где-то это стало обозначать – господин или госпожа, и в конце концов, даже – король или королева. Это если процесс, как говорится, проходил полностью и завершался наименованием царственных персон.

Где-то этот процесс останавливался на уровне древности и в результате все эти слова ныне пребывают в ранге вульгаризмов, где-то смена смысла остановилась на уровне – мужчина, женщина, где-то на уровне господина или хозяйки, а где-то наименование господина или госпожи выпадало (забывалось), но закреплялось название короля или королевы. Но здесь показана лишь основная линия и достаточно упрощённо. На самом деле этот процесс более сложный и представляет собой скорее разветвлённое дерево, чем одинокий ствол. Но тем не менее, этот процесс изменения смыслового наполнения слов нужно иметь в виду, при проведении того или иного анализа.

И наконец последнее, нужно изменить отношение к вульгаризмам, как к чему-то постыдному. Я не призываю к применению вульгаризмов в быту. Но отношение к ним должно быть научным. В дальнейшем вы увидите, что они по сей день входят составными частями во вполне литературные слова и обороты. Иногда мы даже не понимаем, что это так. А язык нужно изучать. Человеку не всегда приходится делать то, что приятно. При засорении канализации, например, людям определённой профессии приходится спускаться туда и устранять неполадки. Хирургу иногда приходится делать полостные операции на кишечнике, а он неприятно пахнет. Но он делает это, спасая жизнь человеку.

Я уже не говорю о том, что многим людям, по их профессии, приходится выполнять работы вообще сопряжённые с риском для жизни, но они опять-таки делают свою работу потому, что это нужно. Вот и тут – это нужно! Потому что, без изучения древних корней, мы вообще рискуем заехать совсем не туда. Потому что древних корней (во всех языках мира) гораздо больше, чем вы можете себе это представить.

Нет, конечно же, можно по-страусиному, засунуть голову в песок и думать, что ты весь спрятался. Но, по-страусиному, здесь задачи не решить. Можно конечно и дальше распространять побасенки, что нам де привнесли все эти вульгаризмы какие-то нечестивые кочевники. Не привнесли! Они все наши! И с древнейших времён наши!

По сей день ходят легенды о привнесении вульгаризмов в нашу среду нечестивыми ордами разнообразных кочевников. Как будто бы именно кочевники принесли эту порчу в наш язык и живёт она там, как порочащая нас язва. Жаль разочаровывать думающих так людей, но смею заверить, что все вульгаризмы, ныне живущие в нашем великом и могучем языке – целиком и полностью наши и живут они у нас со времени зарождения членораздельной речи. И со дня своего возникновения, они никогда не создавались, как вульгаризмы. Вульгаризмами их сделало развитие самого общества.

Глава 3. Второй закон древнейшего словообразования

Формулирование Второго закона древнего словообразования: *«Все древние названия предметов окружающего мира, на всех языках земли идут от названия мужских и женских половых органов, акта их совокупления, а также от свойств и явлений связанных со всем этим, таких как: твёрдость, мягкость, жёсткость, пластичность, текучесть, скольжение, пульсация, медленно, быстро и так далее».*

Несколько замечаний и предварительных выводов, относительно «Второго закона древнейшего словообразования». Первое, о чём надо сказать, это то, что многие древнейшие названия сохранились в современных словах только в виде корневых смысловесущих, составляющих. В явном виде современные слова, как правило, не несут названий половых органов. Их несут только древние корневые составляющие.

Исключение составляют слова сохранившиеся в виде вульгаризмов. Вот они означают именно то, что они должны означать и что означали всегда, за исключением лишь того, что «вульгаризмами» они стали только сейчас, а точнее с развитием понятий того, что нужно считать литературным, а что не литературным (или, как ещё говорят, нецензурным, или вульгарным). А это не такое уж далёкое прошлое. Всё шло постепенно, по мере развития общества, путём постепенного отбора того, что дозволено, а что нет. По сравнению со всем периодом развития общества, это весьма незначительный, я бы даже сказал весьма мизерный период.

Простейшим примером слов сохранившихся в современном языке, которые ранее были названиями половых органов, а ныне естественно нет, являются практически все местоимения третьего лица (практически во всех языках мира). Простейший пример: «он» и «она». Он – это мужчина, а следовательно изначально – мужской половой орган. А «она», естественно, «женщина», со всеми вытекающими отсюда последствиями. Потому что изначально наименование людей в древности шло исключительно по половым признакам. Теперь эти слова означают только то, что они означают, не больше и не меньше, и поэтому они являются литературными, и входят в литературный фонд языка. Возьмите любой другой язык, хотя бы немецкий, французский или английский, и там вы обнаружите то же самое.

Чтобы продемонстрировать выше сказанное на конкретном примере, возьмём какое-либо слово, которое ранее могло означать какое-то свойство, связанное с половыми органами или с актом их совокупления. Например, слово «скольжение». Это слово является сложным, составным словом и раскладывается на древние составляющие, как: «се кользение» (это кольз оно).

Древним корнем слова «кольз», является «кол». Потому, что само слово «кольз» тоже является составным: «кол се» (кол это). В древности слово «кол» было названо – по образу и подобию с мужским половым органом. Ранее уже говорилось о том, что восприятие древним человеком окружающей среды было таким, что всё для него вокруг было, либо палочка, либо дырочка, либо холмик, либо ямочка. То есть, в древности всё, что окружало человека – по своей форме и свойствам напоминало ему, либо мужское, либо женское естество.

И это «кольжение» в древности описывало действие мужского фалоса во время полового акта, при совокуплении. Вот пример раскрытия древнего, изначального смысла слова «скольжение». Разумеется, что современное слово «скольжение» означает лишь только то, что оно означает, а именно – «скольжение» и ничего более. Далее будет показано, что очень многие слова, что ныне начинаются с буквы «с» или «s» – в любом языке мира, будут иметь в своём составе – указательные частицы – «се» (это). Причём независимо от того есть после буквы «с» гласная «е» или нет. Всё равно «се»! Повторяю, что это на всех языках мира. Без исключения.

Возьмём другое слово из числа тех, что вызывали определённые ассоциации при восприятии внешнего мира древним человеком, например слово «холм». Холм – это есть то, что «колом выпирает» из поверхности земли, как и «дерево» (тореве) – «тором» выпирающее из земли, как и «остров» – «остриём» выпирающий из воды. Кстати, земля и вода, с древнейших времён – это женское естество.

Возьмём слово «яма». Это трансформированное: «ёма» («ёмкость») – женское естество. Здесь можно вспомнить названия мужского и женского естества в тибетской мифологии: папа – мама («яб» – «юм»). «Яб» – это папа, а следовательно мужское естество, а «юм» – это мама (и соответственно, женское естество). Юм – это тоже «ёмкость», вбирающая в себя сперму и зарождающая в себе плод. Причём «яб – юм» согласно тибетской мифологии, находятся не просто так, а в состоянии соития. Неверующим рекомендуется проверить это сразу и убедиться в этом, познакомившись с тибетской мифологией. Иначе нам трудно будет дальше о чём-то разговаривать. Или же – просто принять всё это на веру, как есть.

Кстати сказать, именем «обо», не в таком уж далёком прошлом, на Руси называли отца. Это всего лишь XVI век. И это «обо» – всегда было вполне литературным словом, хотя оно и пришло на Русь с Востока. И у многих тюркоязычных народов сегодня, например у хакасов, по сей день отца называют – «аба». И это тоже хорошее, ласковое обращение.

И даже западно-католическое – «аббат» (отец), идущее от арамейского «аббас», раскладывается на древние составляющие так, что изначальное – «Аб», если вдуматься в его древний, глубинный смысл, (как и славянское «обо»), и тюркское «аба», и тибетское «яб», означает – «отец». А слово «отец», (в общем, вполне литературное слово), если разложить его на древние составляющие: «От-Ец», в переводе на современный русский язык, будет обозначать – «огонь-оплодотворитель». Как впрочем и любое мужское естество.

Потому что, именно мужское начало, издревле и повсеместно в мировой практике всех языков земли, всегда ассоциировалось с оплодотворяющим огнём (земным или небесным, не имеет значения). В слове «от-ец», частица «от», почти на всех тюркских языках и наречиях, означает – «огонь». А частица «ец» (мягко выражаясь) – «оплодотворитель». Об этом мы ещё будем говорить в дальнейшем и надо сказать – неоднократно. Пока же идёт изложение основных законов словообразования. И изложены, пока что, только два из них – Первый и Второй, и к ним несколько простейших примеров.

Глава 4. Третий закон древнейшего словообразования

Формулирование Третьего закона древнего словообразования: *«Мужской и женский половые органы, и акт их совокупления – в древности, изначально, назывались одинаково». Эта одинаковость названий касается не только мужского и женского начал. В древности, это касалось вообще всех противоположностей: так например, «день и тень», которые изначально, назывались одинаково – «ень» (а «д» и «т» появились позднее, разводя эти понятия по своим ипостасям).*

Иногда появлялись незначительные отклонения в одинаковости названий. Эти отклонения в основном стали появляться несколько позднее, с развитием языка, но иногда они делались и сразу при возникновении названий. Об этих небольших отклонениях мы предварительно уже говорили в первых двух главах. Эти небольшие отклонения принципиально никакого влияния на действие Третьего закона не оказывают.

Простейшим примером неодинаковости названий половых признаков мужчины и женщины, могут быть, опять-таки, местоимения третьего лица в русском языке: он – мужчина, она – женщина. А слово «оно», хотя и выродилось ныне в средний род, изначально было обозначением акта совокупления этой брачной пары.

В дальнейшем этот вопрос ещё будет широко освещаться и сопровождаться примерами. Здесь лишь будет сделано несколько замечаний и пояснений. Мужское и женское естество, с древнейших времён, изначально составляли брачную пару, соединяющуюся актом совокупления.

В некоторых случаях, названия брачных пар сохранилось в полном составе да ещё в одном языке. Да ещё и в литературной форме! Но это далеко не всегда. Гораздо чаще встречаются случаи, когда название одной половины брачной пары оказывается в сфере литературного языка, а название второй половины, той же брачной пары, – в сфере вулгаризмов. А акт их совокупления, может находиться, либо там, либо там. Либо вообще где-нибудь в третьем языке.

Иногда, какая-то из составляющих брачной пары, вообще не выявляется явным путём, но может быть реставрирована. А иногда и нет. И это вовсе не потому, что её нет вообще, а потому, что она не найдена среди знакомых языков. Просто надо вовлекать в сферу исследования как можно большее количество языков. В идеале нужно вовлечь все ныне существующие языки, но практически это невозможно.

Иногда обе половинки брачной пары и акт их совокупления обнаруживались исключительно в сфере вулгаризмов. А иногда одна половина оказывалась в сфере вулгаризмов одного языка, а вторая в вулгаризмах совершенно другого языка или во вполне литературной его части. И количество этих комбинаций – просто бессчётно. Бывает так, что одна брачная половина зафиксирована в одном отряде (или подотряде) животных, а другая в совершенно другом, а акт их совокупления либо не сохранился, но подлежит реставрации, либо находится в другом языке и вообще среди слов, относящихся не к животным, а к миру людей.

Простейшим примером этого может служить обозначение мужского естества, скажем, в отряде собачьих – кобель. Его брачной половиной должна была бы быть «кобеля», но её нет – есть «сука». Но в отряде лошадиных законсервировано название лошадиной самки – «кобыла». Это и есть недостающая «кобеля», но она законсервирована, в виду каких-то обстоятельств, в отряде лошадиных. А ещё один, так сказать «родственник», зафиксирован вообще среди технических терминов – это «кабель». И хотя это технический термин, и предстаёт здесь с некоторым искажением написания, но всё же это несомненно термин, указывающий на название мужского естества («кобель»).

Судя по тому, что «кабель» – это удлинённый предмет, своё название он получил от какого-то другого предмета, который в древности получил название по образу и подобию мужского начала. Очевидно в древности этим термином назывался какой-то иной удлинённый предмет. А с изобретением этого электротехнического изделия, он был назван, как говорится, по образу и подобию. Не заглядывая далеко в древность, скажем, что такие удлинённые предметы есть. И их довольно много. Например, кабелем называется якорный канат (голландский язык). А механизм, наматывавший на себя этот якорный канат, называется – кабестаном.

Ещё есть кабелка – тонкий пеньковый просмоленный канат, а ещё есть «кабельтов» – морская мера длины и канат, которым измерялась эта мера длины. И я перечислил здесь лишь малую толику таких предметов, что даёт мне право судить о том, что название кабель, в своё время, было взято от других, более древних удлинённых предметов. А те, в свою очередь, – ещё от других, ещё более древних предметов. И так можно идти – аж до самой глубокой древности. И там, в конце концов, непременно окажется, и сам оригинал всего этого, и им будет именно – мужской фаллос.

А что до акта совокупления кобеля и кобели, то есть такое слово «кобелировать». Так что, кто бы что ни сказал о том, что сейчас обозначает это слово, скажем прямо – в древности оно указывало на половой акт. Любой глагол обозначает – действие! А какое действие могло быть в древности между половыми органами? Я повторяю, не между людьми, а между половыми органами. Они что? Песни пели или соревновались в острословии? Между половыми органами может быть только одно действие – половой акт.

А в корнях слов «кобелировать» и «совокупление» («кобл» и «купл») очень много общего и есть все основания подозревать их взаимную трансформацию. А ещё среди вулгаризмов сохранилось слово «каблить» (вступать в половой акт). И это слово тоже можно принять за брачное сочетание кобеля с кобелей.

Из истории древнего мира известна фригийская богиня Кибела. Иногда она изображалась сидящей на повозке, в которую были впряжены, то львы, то лошади. И есть сведения, что в глубокой древности, ещё до изображения этой богини в виде женщины, ей поклонялись в образе кобылицы.

Хотя, может быть и совершенно иной случай. Этим именем, в какой-то языковой группе, вполне могли называться мужское и женское естество. А уже потом, позднее, это название распространилось, и на названия разных животных, и на саму богиню Кибелу. Как бы то ни было, а свидетельств акта совокупления кобеля и кобели – более чем достаточно.

И вообще, это довольно распространённый случай, когда названия некоторых вещей, относящихся к человеку, (в том числе и половых органов), часто распространялись и на названия животных. Возможно это явление связано с многочисленными соединениями различных племён и народов, их смешением и союзами.

Приведём ещё один пример брачной пары – «пест» и «песта». Ну, «пест» или «пестик» знают все. И это вполне литературное слово (пестик в цветках). Пестиком также называется инструмент кухонной утвари. Им в ступе растирают пряности, снадобья и вообще измельчают некоторые продукты. Процесс измельчения продуктов в ступе (эти возвратно-поступательные движения), очень похожи на отбивание ритма, в половом акте.

Брачной парой «песта», в данном случае выступает «ступа». «Се тупа», то есть та, которую «тупчат» или «топчат», в прямом и переносном смыслах. А термин «топтать» вполне литературно используется для обозначения полового акта многих животных, например, кур. (Петух «топчет» курицу.) А иногда, особенно с юмором, это всё распространяется и на людей. И ещё, обратите внимание на такой факт, что «пест», как две капли воды, похож по форме на мужской половой орган, (даже головка есть). Вот такая аналогия.

А в сфере вульгаризмов сохранилось слово «песта», обозначающее женский половой орган. Я специально не выписываю подлинного названия этого слова, но любой человек, знающий русский язык, прекрасно знает о чём идёт речь, тем более, что «е-и», «з-с» и «д-т» это взаимно трансформируемые звуки.

А раз есть брачная пара, то должен быть и акт их совокупления. И слово, которое бы обозначало акт совокупления этой брачной пары есть. И даже в литературном языке. Это слово имеет значение – «ласкать, нежить». А совершение полового акта (если это не акт насилия), как раз и предполагает проявление этих качеств – ласки и неги. Это слово «пестить». И мне кажется, что слово «пестить» некогда, как раз и означало – акт совокупления «песта и песты».

Конечно, современное слово «пестить» имеет значение «нежить» или «ласкать». Но это современное слово. А давайте подумаем о древности. Это глагол? Глагол! Глагол обозначает действие? Да! А какое действие могло быть между половыми органами в древности? Не упражнялись же они в области лингвистики или фольклора? Может они стихи друг другу читали? Между половыми органами может быть только одно действие – половой акт!

И наконец последнее. Сферу вульгаризмов нельзя рассматривать как область неких ругательств, хотя часто в быту они так и применяются. И даже родилась такая легенда, что мы здесь все такие чистые и непорочные, а вот пришли на нашу землю некие нечестивые кочевники и принесли нам всю эту нечисть.

Хочу сразу остудить весь этот «пыл» и внести сюда ясность. Хотя некоторые из нынешних вульгаризмов действительно могли прийти на нашу землю с ордами нашествий но, во-первых, они не были вульгаризмами этих народов, это мы их сделали вульгаризмами, а во-вторых, процент этих привнесенных слов, ставших у нас вульгаризмами – ничтожно мал.

А все остальные вульгаризмы (извините за правду) – наши, родные и надо сказать самые древние, из всего того, что составляет золотой фонд нашего языка. И то, что мы их сделали вульгаризмами, давайте пенять на самих себя, а не на кого-то другого, потому что в древности они вульгаризмами никогда не были.

Повторяю, вульгаризмами их сделала жизнь и развитие языка. И произошло это в результате многовековых, и многообразных преобразований, различного смешения народов, и прочих изменений – социальных, хозяйственных, государственных. Кстати, вовсе не ставивших себе каких-либо целей выделения их в какой-то отдельный раздел языка. Это закон внутреннего развития языка, как самостоятельного и очень сложного явления.

Но одно бесспорно, ранее вульгаризмами, современные вульгаризмы, никогда не были. Об этом говорит, и анализ языка, и анализ тех же вульгаризмов. Иногда такие, казалось бы, весьма непотребные вульгаризмы вдруг выплывают в такой чистой и светлой сфере языкового общения, что только диву даёшься. А ещё в каком-нибудь параллельном языке. А ещё, всё это может выплыть и в родном русском языке, но в несколько изменённом виде, или в изменённой функциональности.

Можно привести несколько простейших примеров для подтверждения только что сказанного, хотя таких примеров бесчисленное множество и в дальнейшем мы будем об этом говорить. И ещё не один раз. Например, в английском языке есть название королевы – «Куин». Разложив на первичные составляющие, понимаем, что получается: «Ку Ин» (Ку Она). А «Ку» – это древнее слово, которое принимало участие в образовании названия мужского полового органа. И здесь нужно заметить, что «к» – в этом слове не самый древний звук (в древности здесь было – «х»). Как видите, светлое, уважительное и для кого-то почти святое имя – королева, идёт от тех же половых органов.

А куда дальше? Правда и дальше будет доказано, что и королева, и король идут от древнего слова «харл» (мужик). А он, в свою очередь, от ещё более древних «харить» и «хар».

Так что утешение тут весьма и весьма слабое. (При желании, можно тут же прочесть статью «Король», в Главе 13.) Там всё и вполне доходчиво написано.

А что касается мужского или женского половых органов в слове «куин», то на основании Третьего закона об одинаковости названий мужского и женского естества, можно смело сказать, что в слове Куин частица «ку» обозначает не мужское, а женское естество. Но это всё о древних смысловых значениях этого слова. А сегодня слово «Куин» несёт в себе исключительно уважительный и литературный смысл.

И ещё, возьмём известное английское слово «Сэр» (господин). Если разложить его на древние составляющие, то получим «Се Ер» (что означает – «это ер»). А «ер», во всех германских языках – означает «мужчина». В древности же, в своём изначальном значении, слово «ер» означало – «мужской половой орган».

Таковым оно выплывает и в языке древних греков – Эрос (Эрот), что буквально означает «ер это». Правда греки этим словом называли любовь, а также бога любви, но это не отнимает у них, их древних значений, (хотя бы потому, что все их древнейшие символы имеют исключительно фаллический облик). И во многих тюркских языках, например в казахском, муж – это «ер», а ещё – «куйеу»! (Ничего не скажешь – красноречиво!) Но это не вульгаризмы! Это чисто литературные слова. Проверьте, по русско-казахскому словарю. И в монгольском языке, мужчина – это «эр» (или «эр хун»). Всё это легко проверяется по словарям.

В своём современном значении, слова – «Сэр» и «Куин» означают: «господин» и «королева». И мы хорошо знаем это. А вот их древнее происхождение связано с названием половых органов. Но в сферу вульгаризмов они так и не попали. В древности, они просто не были вульгаризмами. А развитие общества и языка (в англоязычной языковой группе) шло так, что смысловые наполнения этих слов постоянно менялись и менялись так, что слова эти не выводились за рамки литературного языка.

Обзор развития языков показывает, как слова из своего первоначального (древнего) значения, постепенно, в процессе своего исторического развития, приобретали современные значения. И как одни из них, приобретая новые значения, живут теперь в сфере литературных языков, а другие, по тем или иным причинам, законсервировали в себе древнейшие значения и перешли в сферу вульгаризмов. И таких случаев – бесчисленное множество.

Здесь же можно было бы привести, в качестве примера, древнегреческое слово – «херои» (герои). Точный перевод с древнегреческого языка – это «предки». А предки, в древности, различались исключительно по половым признакам. Да, собственно, они и заключили в себе название половых органов (и изображались в виде фаллических предметов, и корень у них «хер»).

Древнеримские «пенаты» – тоже. Слово «пенаты» раскладывается на древние составляющие, как: «пен это». А «пен» это, буквально, – мужской половой орган, (как в древности, так и сейчас), о чём говорит современный, литературный, медицинский термин «пенис» – мужской член. Буквально – «пен это».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.